

нымъ многосложнымъ путемъ чувствъ, мыслей и ошибочныхъ умозаключеній приведенъ былъ къ тому, что взялъ чужую книжку и зачѣмъ-то заперъ ее въ свой сундукъ, — а я налѣплю ему бумажку со словами «воръ», которыя значать совсѣмъ другое! Зачѣмъ? «Наказать его стыдомъ», скажутъ мнѣ. Наказать его стыдомъ? Зачѣмъ? Что такое стыдъ? И развѣ извѣстно, что стыдъ уничтожаетъ склонность къ воровству? Можетъ-быть, онъ поощряетъ ее. То, что выражалось на его лицѣ, можетъ-быть, было не стыдъ? Даже навѣрно я знаю, что это былъ не стыдъ, а что-то совсѣмъ другое, что, можетъ-быть, спало бъ всегда въ его душѣ и что не нужно было вызывать.

«Пускай тамъ, въ мѣрѣ, который называютъ дѣйствительнымъ, въ мѣрѣ Пальмерстоновъ, Кайэнъ, — въ мѣрѣ, гдѣ разумно не то, что разумно, а то, что дѣйствительно, пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумаютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ мѣръ дѣтей — людей простыхъ, независимыхъ — долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванія и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры и самообманыванія въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ»...

Предоставляемъ другимъ учителямъ провѣрять на опытѣ выводъ, сдѣланный Толстымъ. А онъ пришелъ къ убѣжденію, что употребленное имъ наказаніе не исправило мальчика, но сдѣлало его хуже, чѣмъ онъ былъ прежде, возбудивъ въ то же время дурныя страсти и скрытые пороки въ средѣ остальныхъ учениковъ.

ГЛАВА IV.

Р а з с к а з ы.

Послѣ обѣда, въ сумерки, въ раннія сумерки русской зимы, дѣти опять собирались въ школу, и всѣ классы соединялись обыкновенно на урокъ священной или русской исторіи.